

Анатолий Терещенко

ВОИН

ЭП ХИ
СМЕРША

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

www.argumenty.ru • выходит по четвергам

Анатолий Степанович Терещенко

Воин эпохи Смерша

Серия «Мир шпионажа»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7701731
Воин эпохи Смерша / Терещенко А.: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-9908777-3-3

Аннотация

Что бы там ни врала антисталинская пропаганда, легендарный СМЕРШ не был филиалом преисподней, а военные чекисты – исчадиями ада и демонами во плоти. Скорее уж военная контрразведка сравнима с Чистилищем, через которое в годы Великой Отечественной прошли сотни тысяч немецких военнопленных и миллионы советских граждан, вырвавшихся из «котлов», возвращавшихся из вражеского плена и с принудительных работ.

Вопреки расхожим мифам, деятельность СМЕРШа не сводилась к силовым задержаниям с «качанием маятника» и стрельбой с обеих рук «по-македонски» – в основном это была рутинная, тщательная, скрупулезная работа по сбору и анализу информации, может, не такая эффектная, как в кинобоевиках, но зато гораздо более эффективная. На счету Главного управления контрразведки «Смерть шпионам!» НКО СССР десятки тысяч разоблаченных немецких агентов и военных преступников,

пособников врага и карателей, но главное – благодаря оперативно-розыскной и следственной работе военных чекистов были сняты подозрения с миллионов честных советских людей.

«Моменты истины» и подвиги сталинских «волкодавов», зачистка тыла Красной Армии от вражеских шпионов и диверсантов, погоня за «голубоглазыми демонами Рейха», охота за предателями и палачами – эта книга впервые проливает свет на неизвестные эпизоды тайной войны, воздавая должное лучшей военной контрразведке в истории – непобедимому и легендарному СМЕРШу.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	10
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Терещенко

Воин эпохи Смерша

*Памяти генерал-майора А.А. Шурепова
посвящается*

Предисловие

*Что такое большой человек?
Тот, который не проваливается
в трещины, образуемые эпохой.*
А. Подводный

Любая война – это несчастье. Она не продолжение политики другими средствами – силой оружия, как принято считать, а поражение политики. Поэтому всякий стоящий у государственной власти обязан избегать войны, точно так же как капитан корабля избегает кораблекрушения.

«Хороших» войн не бывает, но воевать с непрошеным гостем, агрессором, – это значит воевать с самой Войной. Такое состояние бывает только при справедливых баталиях, ибо неизбежно-агрессивные войны – всегда справедливые.

Никколо Макиавелли по этому поводу писал, что та война справедлива, которая необходима, и то оружие благочестиво, на которое только и возлагается надежда. Надежда у со-

ветских людей возлагалась на единство народа в деле отпора узаконенному гитлеровцами разбою.

В первые месяцы германского вероломства перевес был на стороне нацистской Германии. Гитлер и командование вермахта упивались победами на нашей земле. Но это были временные удачи оккупантов. В баталиях есть полководцы, которые умеют выигрывать лишь сражения, но не войны. Советские солдаты во главе со своими полководцами выиграли тяжелейшую войну, исповедуя призыв поэта Н.А. Некрасова:

Не будет граждан достойный
К Отчизне холоден душой!

Они не были холодны душой к Отчизне!

В войне участвовали все народы великой Красной империи с их основными составляющими: Армией, Флотом, Разведкой, Контрразведкой, Тылом, Промышленностью и Полем. Именно они определили судьбу Отечества, защитив его и разгромив полчища тевтонцев-завоевателей Третьего рейха.

Война влияла на судьбы наших сограждан, оплетая цепью удивительно счастливых и удивительно несчастливых, а порой и трагичных совпадений.

Повлияла она и на жизнь наших героев, прошедших через горнило войны, испытаний и страстей. Но не сломала!

Поскольку они в прямом и переносном смысле были *большими* людьми, потому и не могли провалиться в трещины своей эпохи. Они боролись за жизнь Родины, родных, свою собственную!

Счастье появляется тогда, когда ты любишь; безразличие – когда тебя любят, а ты бревно бревном; терзания и мучения приходят, когда от тебя уходит тот или та, кого ты обоготворила или обоготворил. Кто не может найти счастья в пути, не найдет его и в конце дороги.

В этой документально-художественной повести автор рассказал о своем старшем коллеге, военном контрразведчике, участнике Великой Отечественной войны генерал-майоре Смерша и КГБ СССР Александре Алексеевиче Шурепове, пройдясь по жизненным вехам его нелегкой, порой трагической судьбы с 13 февраля 1913 по 31 мая 1985 года.

Художественно-документальная форма повествования избрана автором для простора описания в основном служебных обстоятельств жизни героя. Такие люди отдавали свои силы на жизненных большаках Отечеству, «своего живота не жалея» во благо защиты не чиновников от власти, а народа, составлявшего понятие страны, попавшей в доселе невиданное по масштабам и зверству страшное военное лихолетье, возникшее по вине германского фашизма.

Это повествование – еще и гимн любящей паре красивых телом и душой людей, спортсменов всесоюзного уровня, пронесших свою любовь друг к другу сквозь тернии крова-

вых событий войны, через тревоги, унижения и подозрения, победы над тайным противником – и сохранивших свое семейное счастье.

Впервые о драматической судьбе военного контрразведчика генерал-майора Александра Алексеевича Шурепова и его супруги Александры Федоровны автору этой книги рассказал участник Великой Отечественной войны, военный летчик, ставший армейским чекистом, а на пенсии – прекрасным живописцем и поэтом, Геннадий Петрович Лысков.

Потом с автором поделился воспоминаниями о контрразведчике генерал-майор Виктор Прокофьевич Дунаевский, написавший небольшой очерк о нелегкой личной и семейной судьбе супругов Шуреповых в военные и послевоенные годы.

Много интересного рассказали о киевском периоде службы Шурепова в должности начальника Особого отдела КГБ Киевского военного округа бывший комендант отдела полковник в отставке Василий Владимирович Мартынов и его сослуживец генерал-майор в отставке Ефим Гордеевич Чичулаев – сын Героя Советского Союза, прославленного пулеметчика Гордея Чичулаева, получившего это высокое звание за освобождение Киева в 1944 году.

И наконец, огромный пласт свидетельств предоставила старшая дочь Шуреповых – Галина Александровна. А сын генерала – Сергей Александрович поведал об одном неиз-

вестном событии.

Оказывается, автор романа «Момент истины (В августе сорок четвертого...)» Владимир Богомолов в ходе работы над рукописью в начале семидесятых несколько дней «творчески работал» с Александром Шуреповым. Не тогда ли один из опытных разыскников Смерша показал дорогу писателю в атмосферу «августа сорок четвертого»? Именно в этих местах громил немецкую агентуру подполковник Шурепов, поэтому нельзя исключать того, что персонажи романа – Алехин, Таманцев и Блинов взяты писателем из рассказов А.А. Шурепова.

Автор выражает всем этим людям искреннюю признательность и сердечную благодарность за участие в сборе данных о судьбе и жизни генерала А.А. Шурепова и его семьи.

Книга основана на реальных событиях, которые сопровождали настоящих героев этого повествования.

Глава первая

Малая родина

Александр Шурепов родился 13 февраля 1913 года, за полтора года до Первой мировой войны, в селе Кстово, расположенном в 29 километрах от областного центра – Нижнего Новгорода, на правом берегу Волги. В 1957 году Кстово получило статус города, сейчас это промышленный центр почти с семью десятками тысяч населения.

Кстово известно с XIV века как деревня Кстовская. Ряд версий связывает ее название с крестом: «кстится», «кетовый» – то есть «креститься», «крестовый». Существовало мнение, что названа так деревня из-за того, что расположена на перекрестке дорог. Местные жители в древние времена были не только свидетелями вереницы невольников-бурлаков, тянущих баржи по Волге, но и сами нанимались к хозяевам на эту «прибыльную, с живой копеечкой» работу. Нет, это были совсем не те босяки, каких изобразил в 1873 году великий русский художник Илья Репин на полотне «Бурлаки на Волге». Рассказчиками-земляками они рисовались крепкими, загорелыми, высокими, как правило, юношами и взрослыми мужчинами. Именно такими великанами унес из детства в своей памяти их земляк Саша Шурепов – такого же богатырского телосложения.

Еще полагали, что на этом месте крестили мордовских язычников.

Жители Поволжья считались людьми с истинно русским характером: «сильными духом и силой сильными». Не об этом ли свидетельствовало то, что деятелем русского национально-освободительного движения в Смутное время, одним из руководителей Второго ополчения, соратником князя Дмитрия Пожарского и одним из наиболее популярных национальных героев русского народа являлся Кузьма Захарьевич Минин по прозвищу Сухорук – нижегородский посадский человек.

Это хорошо помнил из истории России и Саша Шурепов, тоже ставший со временем своего рода российским богатырем двухметрового роста, рекордсменом союзного значения в легкой атлетике.

Как не вспомнить слова Михаила Ломоносова из «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

В поиске характеристики корней Шуреповых на Нижегородчине автор познакомился с «Описанием Кстовской, Ново-Ликеевской, Шолокшанской, Чернухинской и Слободской волостей Нижегородского уезда». Оно, это описание, было подготовлено стараниями священника А. Борисовского в середине XIX века.

Он в нем писал:

«Село Кстово... возникло, по всей вероятности, в 40-х годах XVII столетия. Кстово и Кстовская волость, отстоящая от Нижнего Новгорода в 21 версте, лежит на гористой местности и по течению Волги.

В окружности много родниковых ключей, к которым ходят за водой местные граждане. В Кстово имеется лесная пристань. А еще есть две небольшие речушки – Кудьма и Озерка. Они приносили жителям пользу мельничными запрудами. Разные породы рыб в этих реках имеются. Кругом сенокосные земли. Кудьма разливается в половодье, затопляя поля. В селе имеется 30 колодезей.

В селе Кстово жителей: мужского населения – 180, женского – 184. Домов или дворов – 70, кузниц – 13, ветряных мельниц – 4, точилок – 4, кирпичный завод – 1.

Есть каменная церковь.

Дорога Казань – Нижний Новгород проходит через село.

Крестьянские избы состоят из различных резных украшений. Влияние климата на здоровье жителей благотворно.

Средствами медицинскими простой народ пользуется редко. Лечатся травами и настойками. Жители по занятиям – земледельцы и промышленники. Нравственное состояние жителей довольно хорошее. Более можно видеть в народе примеров честности и правды, чем лжи.

Работают сельские училища с 1864 года.

Во дни великих праздников достаточный крестьянин считает своей обязанностью накормить у себя в доме какого-нибудь странника, прохожего, нищего. Народ почитает родителей и старших. Религию народ почитает и любит. Преступления в народе редки.

Степень развития огородничества и садоводства не имеет особого значения и не славится как промысел, но то и другое существует почти для домашнего только продовольствия. Развито пчеловодство...»

Разве лихие люди могли родиться в таких краях?

Здесь появлялись на свет настоящие силачи духа и плоти!

Детство Саши проходило, как у всех, – учеба на волне наркомовского постановления борьбы с безграмотностью и помощь по хозяйству родителям. А какое детство, тем более с такими реками, какие соседствовали с селом, обходилось у подростков без рыбалки?!

Однажды сосед Никодим Ершов, проезжая на телеге мимо двора Шуреповых, завидев хозяина, окликнул его.

– Алексей, ну и сын у тебя – настоящий великан. Растет не по дням, а по часам. Тут давеча ехал за дровами мимо болота по грунтовке и не заметил, как воз сошел с колеи и завяз в глине. Как ни просил я коня, как ни стегал его кнутом, ничто не помогало. Как раз, на счастье, узрел твоего мальчика. Ба-а-а, а он уже выше меня стал!..

– Чужие дети незаметно растут, – перебил его Алексей

Шурепов.

– Позволь продолжу... Тугой такой стал. Увесь в мускулах. Прямо богатырь, да и только. Даже смешно стало от радости, что его встретил.

– Знаешь, Никодим, сила никогда не бывает смешной...

– Твоя правда... Так вот, он подбегает ко мне и кажется: «Дядя Никодим, не печальтесь – вдвоем вытянем». Подошел сзади и переставил мою повозку на большачок. Я ему баю: «Как – вместе, ты сам свершил доброе дело». А он в ответ: «Вместе, вместе», – и пошагал своей дорогой. Добрым и сильным человеком он у тебя вырастет.

– Дай Бог ему таким вырасти – в мире, без войны, – ответил Алексей Шурепов и погладил свои пышные усы. Не думал он, что вслед за Первой мировой войной придет Вторая, а потом Великая Отечественная и в ней будет героически воевать его сын.

* * *

Запомнилось Саше Шурепову страшное время голода в Поволжье 1921–1922 годов, разразившегося из-за сильнейшей засухи. Но была и другая причина, о которой восьмилетний мальчик не мог знать. Ее, эту другую причину, разматывали из социального клубка политики того времени.

В условиях Гражданской войны Ленин боялся воевать на два фронта: внешний – с белогвардейщиной и Антантой и

внутренний — с верующими массами. Но после окончания внутренней войны вождь решил нанести удар по церкви на фоне нестабильности огромного крестьянско-православного сегмента России, называя его противником. Он считал эту ситуацию потенциальным вторым фронтом, способным вспыхнуть из-за недовольства жизнью, связанного с разрухой, нищетой и в конце концов голодом.

Вот что писал вождь в инструкции от 19 марта 1922 года:

«Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем в 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий.

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем, и потому должны, провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления.

Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком

случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотя́т испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...»

Надо, правда, признать, что Ленин не говорил о физическом истреблении священников, в отличие от Хрущева, который мечтал показать по телевизору последнего попа, он проводил политику запугивания церкви, на местах переросшую, чего греха таить, в массовое истребление священников.

Неурожаем были охвачены центральные губернии – Саратовская, Самарская и Царицынская, и частично он задел отдельные уезды Нижегородской губернии. В других губерниях – Курской, Воронежской и Тамбовской – хлеб был. Оставалось Кремлю включить механизм перераспределения, и с голодом было бы покончено. Больше того, зерно имелось в государственных закромах, так как его продолжали продавать за границу.

Начальником операции «Помоги голодающим» (Помгол) был назначен Калинин. Ленин без обиняков высказался: «то-

варищ Калинин и ни в коем случае не товарищ Троцкий». Таким образом, от этой операции Ленин отвел всех лиц еврейской национальности, чтобы в случае неудачи не получить очередных погромов.

Но в связи с этими событиями есть смысл послушать августовское послание 1921 года патриарха Тихона. Вот что он писал:

«К тебе, православная Русь, первое слово мое. Во имя и ради Христа, зовет тебя устами Святая Церковь на подвиг братской, самоотверженной любви. Спеши на помощь бедствующим с руками, исполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата.

Пастыри стада Христова!

Молитвой у Престола Божия, у родных Святых, исторгайте прощение Неба согрешившей земле...

Паства родная моя!

В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге своем святые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в годину тяжчайших бед собиравших своею беззаветною верою и самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь.

Неси и ныне спасение ей – и отойдет смерть от жертвы своей...»

А дальше в этом послании он обращается не к правительствам других стран, а к общественности:

«К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой: помогите! Помогите стране, всегда помогавшей другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей с голода. Не до слуха вашего только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его на вашу совесть, на совесть всего человечества.

На помощь немедленно!

На щедрую, широкую, нераздельную помощь!

К Тебе, Господи, воссылает истерзанная земля наша вопль свой: «Пощади и прости». К Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ руки свои и мольбу: «Прости и помилуй».

Во имя Христово исходим на делание свое: Господи, благослови».

Обращение патриарха прозвучало колокольным, набатным звоном, сразу же нашедшим отклик у многих европейских народов. Пожертвования пошли массово. А вот из хлебно благополучных областей не поступило ни одной зернинки в области, пораженные голодом.

Больше того, ленинская гвардия придумала пропаган-

дистский лозунг, что именно духовенство «костлявой рукой голода» борется с трудящимися миллионами. Но на самом деле гибли сотни тысяч мирян по приказу властей...

В этой горестной суматохе и смуте от недорода из-за засухи подросток Саша Шурепов впервые услышал из уст отца о хозяйственности и деловитости немцев Поволжья. Он делился впечатлениями в семье.

– Немец хитер умом своим, – говаривал отец. – Глядите, он выживает. А почему? Я давеча ездил в один из хуторов и воочию познал, что такое жизненная хватка у него – русского германца.

– А что он такое сделал, что в округе голодают и мрут, а он выживает? – спросил Александр.

– От голода такого можно было избавиться так, как сделали немцы. Зашли во двор к одному хозяину. Гляжу, а во дворе у него яма, он назвал его арыком. Слеплена из глины и подсушена на солнце так, что стала как горшок. Яма эта полная воды, и воду эту держит. Вот он и поливает грядки в своем огороде. Все у него созрело и будет пущено в дело. К зиме приготовился немец, а мы все охаем да крестимся. Молитвами просим дождеца, а на больше у нас нет никакой придуманности, – распространялся батя. – Вот и гибнем массово. На рынке у нас полно пришлых горожан из других губерний, за бесценок распродают свое имущество. Видел своими глазами, как за пригоршню семечек можно было купить норковую шубу...

Этот рассказ родителя надолго остался в памяти у Александра. Потом, когда повзрослел, ему доводилось общаться с поволжскими немцами и интересоваться, как им удалось избежать голодной смерти. Все подтвердилось...

Он увидел и их обустроенные дома, дворы и огороды. Видел он и эти крохотные искусственные водоемы, всегда заполненные колодезной или дождевой водой. С желобов крыш таких домиков аккуратно разветвлялись водоводы, отводящие небесную жидкость строго по назначению – в арыки. Голод заставил людей думать и готовиться ко всяким неожиданностям на будущее. Засухи в Поволжье не так уж и редки.

Но следует назвать и третью причину голода. В это время все еще продолжалась Гражданская война, и армию надо было кормить. По заданию Совнаркома в провинциях стали формироваться продотряды для проведения продразверстки. Цель у них была одна – отбирать у и без того нищих крестьян так называемые излишки хлеба. Но скоро продотряды стали безжалостно отнимать и другие продукты (картофель, масло, молоко и т. п.).

Огромные крестьянские массы остались не только без посевного материала, но и без текущего пропитания, потому что продовольственные отряды подчистую выметали закрома. Крестьян попросту элементарно грабили, проявляя при этом грубые репрессивные методы. Люди умирали не только семьями, но и целыми селениями. Немногим удавалось

преодолеть кордоны из заградотрядов и перебраться в другие регионы России.

О жестокости в действиях продотрядов сигнализировали вышестоящему начальству даже чекисты. Так, в докладной записке Особого отдела Саратовской губернского ЧК от 5 января 1920 года, отправленной в Москву, говорилось:

«При разверстке наблюдается множество недоразумений. Продотряды безжалостно выметают все до зерна, и даже бывают такие случаи, когда в заложники берут людей, уже выполнивших продразверстку. На основании таких невнимательных отношений к разверстке недовольство крестьянских масс растет. Нередко оказывалось, что сдано было все, даже семена для следующих посевов».

В результате этого головотяпства весенний сев был сорван. А осенью крестьянам пришлось вновь сдавать зерно по продразверстке. Обнищание, причем поголовное, показилось колесом отчаяния и гибели по Поволжью. Александр видел своими глазами этих несчастных и нищих крестьян, как тени, бродивших голодными по пригороду Нижнего Новгорода...

Эти годы запечатлелись в цепкой памяти ребенка на всю жизнь. Говорят, он одинаково переживал за чувство холода и голода, потому что они, как считал Александр Алексеевич Шурепов, – вечные спутники хаоса и неразберихи в государ-

стве.

* * *

Саша встал раненько утром. С другом Григорием, жившим по соседству, договорились порыбачить. Они встретились на перекрестке сельских улочек, что соединялись в проселочную дорогу, круто спускающуюся к речке Кудьме, которая пересекала и делила село, ставшее со временем пригородом Нижнего Новгорода, ровно пополам. Два закадычных друга договорились порыбачить. Снасти привычные – удочки. Удилища из лещины. Бамбуковые тогда были редкостью, не говоря уже о пластиковых. С бамбуковыми удочками красовались на рыбалке только люди побогаче и поопытнее.

Солнце еще пряталось где-то в восточной части горизонта, озаряя снизу часть неба лилово-малиновым светом. Холодные росы обжигали босые ноги ребят. Но скоро ступни адаптировались к зябким каплям, прилипшим к стреловидным кончикам поднявшейся за ночь травы. Особенно холодными казались кучерявые заросли спорыша, в которых росы было намного больше, чем на других зеленях.

Александр, долговязый паренек, самый высокий в классе, неожиданно спросил своего друга:

– Гриша, а червей живых прихватил? Надеюсь, не такихдохлых, как в прошлый раз?

– Нет, Саша, свеженьких подкопал...

– Я тоже... Кстати, взял на всякий случай каши и теста, – ответил Александр.

– Думаю, клев сегодня должен быть отменный – погода шепчет!

– Дай бог!

Спустившись к реке и облюбовав место для рыбалки, они тихонько примяли сухие стебли осоки. Получились удобные, чем-то напоминающие большие гнезда места для спокойной ловли.

У Саши было две удочки, Григорий всегда ходил к реке с тремя. Прикормив кашей рыбу в прибрежной глади водоема, ребята забросили удочки.

Пока Александр расставлял коробочки с наживкой, друг внезапно тихо проговорил:

– Сань, у тебя клюет...

Александр взглянул на то место, где мгновение назад покачивался поплавок одной из удочек, но его не оказалось на воде. Потом он вынырнул, постоял восклицательным знаком некоторое время, и вдруг белый стержень очищенного гусиного пера стал снова погружаться. Когда сигнализатор поведло в сторону, Саша сделал легкую подсечку и выдернул из воды первый трофей – подлещика величиной с ладонь.

Сняв первый улов с крючка, он положил осторожно рыбку на траву, а сам спустился к реке, зачерпнул небольшим ведерком воды и бросил туда свою трепыхающуюся первую добычу. Нацепив нового червя на крючок и трижды плюнув

на приманку, он вновь закинул удочку.

Саша за полчаса поймал еще пять рыбок. А вот у Гриши сначала не пошла рыбалка – никак не клевало.

– У меня ни фига не получается! Дай твоего червяка.

– Бери, – улыбнулся Александр.

К удивлению обоих, Гриша стал тягать одну за другой рыбешки, а у Саши затормозился клев.

«Сглазил недобрым оком меня Гришка. Вот и делай хорошее другому, а оно, выходит, может обернуться плохим, – подумал Саша. – Нет, все же это случайность, а может, мои черви лучше. Но тогда почему у меня перестало клевать? Чудеса, да и только!»

Увлеченные рыбной ловлей, ребята не заметили, как дневное светило, выкатившись золотым колобком из-за лозняка, стало быстро подниматься. Теперь оно не только ярко блестело, но и припекало. Разморенные агрессивно наступающим зноем рыбаки стали все чаще и чаще ополаскивать лицо водой.

К одиннадцати от жары было уже невозможно сидеть на берегу. К тому же одолевали слепни, не только раздражающе ползая по телу, но и больно жаля.

– Давай, Гриш, смотаем удочки и сами смотаемся, – предложил Александр.

– Я за – голова от жары гудит, как колокол, – согласился Григорий.

И вот уже юные рыбаки, хвастая друг перед другом сво-

ими трофеями, разомлевшие, лениво поплелись по домам, чтобы показать родителям, что они тоже уже могут быть причислены к рангу семейных добытчиков.

* * *

Ребята часто выходили к Волге, которую по сравнению с Кудьмой называли Кстовским морем. Река тут была широка, величава и шумна. Они любили наблюдать, как по Волге сплавляли кругляк. У Кстовской пристани бревна вылавливали длинными баграми рабочие, грузили на телеги и отправляли для распиловки на брус и доски. Причем пилили пыльщики вручную на высоких козлах, которые казались сельской ребятне просто огромными живыми существами, крепко стоящими на широко расставленных ногах и подставившими свои узкие спины для работы с древесиной.

Бревно укладывали поперек двух таких «станков». Один пыльщик забирался наверх козел по грубо сбитой из тонких хлыстов лесенке, другой находился внизу. Потом периодически менялись ролями из-за «вредного низового производства». Опилки сыпались под рубашку или прилипали к голому вспотевшему телу и неприятно кололи. Это был каторжный труд. Особенно в летнее время.

Видели Саша и его друзья и другой речной промысел – ловлю рыбы сетями, в основном громадными неводами. Во время путины ребятня высыпала на берег поглазеть на со-

мов. Всем хотелось увидеть именно этих пойманных «крокодилов», байками о которых родители пугали малышей. Говорили, мол, в глубоких омутах Волги живут такие сомы, что нападают не только на детей, но могут проглотить взрослого человека и даже корову. Приводили «конкретные» примеры.

Когда попадалась такая «колода» с длинными усами и хищной пастью, дети радовались, считая, что поймали того самого людоеда, которым стращали родители. Часто ребята выходили на высокий берег, чтобы визуальнo встречать и провожать проходящие медленно большие белоснежные пароходы и мрачноватые баржи. «Пассажирки», так величались суда с отдохавшими, хлюпали и брызгались огромными ходовыми колесами по обеим сторонам бортов или большим барабаном на корме вместо современных винтов.

Любил Александр провожать журавлей, которые улетали в теплые края с приближением российских холодов. Обычно он говорил: «Журавли летят в чужую весну, чтобы вернуться в свою».

Дети всегда помогали родителям по хозяйству то ли в огороде, то ли непосредственно по дому. Такая работа по селам не прекращается до сих пор. Заготавливали дрова – сухостой. Не только зима открывала дверцы горящих печей и плит, но и лето требовало огонька – на плитах готовилась пища ежедневно и круглогодично. Поэтому топливо было нужно всегда. Оно являлось всепогоднo-стратегическим материалом.

Рослому и набирающему не по дням, а по часам физическую силу волжскому богатырю не составляло труда принести из леса вязку хвороста или даже обломок соснового или березового ствола. Потом дрова резали и кололи, аккуратно складывали штабелем для сушки.

* * *

Тридцатые годы!

Годы массового труда и годы крови, которую пролили в народе некоторые партийные пигмеи и их ставленник – коротышка умом и ростом Николай Ежов. Неслучайно его имя получил и сам кровавый процесс ужасных репрессий конца тридцатых – «ежовщина».

Закончилась учеба – преодолен переход в очередной старший класс. Для отдыха на летних каникулах председатель сельсовета предложил ученикам «труд во имя Отчизны!».

На сельском выгоне строй юношей и девушек. Среди них стоит высокий парень в лаптях и в латаном отцовском пиджаке. Это Саша Шурепов. Он слышит напутствие:

– Мы посылаем вас на стройку автозавода, строить фундамент социализма. Этот гигант социалистической индустрии наряду с другими стройками вознесет страну до невиданных высот. Но запомните, будете лениться, не оправдаете нашего доверия – мы вас тут же отзовем со стройки...

Шурепов не подвел.

После окончания школы он продолжал трудиться на стройке века. И вот главный инженер вызвал Александра в кабинет и в присутствии прораба произнес такие неожиданные слова:

– Александр, мы тебя, как лучшего, решили направить в институт. Не подведешь?

– Нет! Постараюсь оправдать доверие! – твердо заявил молодой строитель.

Не подвел.

В ту пору твердо гремело как пароль слово-девиз «НАДО!»

Комсомольск-на-Амуре – «Надо!»

Магнитогорск – «Надо!»

Днепрогэс – «Надо!»

На самолет – «Надо!»

В подводники – «Надо!»

Юноши и девушки отвечали: «ЕСТЬ!»

Так начинала строиться мощная Красная держава, которую потомки, как ее адепты, так и недруги, назовут Красной империей.

Физкультура и спорт были тоже неотъемлемым атрибутом того поколения советской молодежи. Каждое утро у строителей и студентов начиналось с физзарядки. Шурепов, имея прекрасные физические данные, тоже пробовал себя в разных видах спорта. Занимался гиревыми тренировками, показывая чудеса жонглирования пудовыми и двухпудовыми

гирями. Постоянными его спутниками были гантели. Увлёкся «тяжелыми» видами легкой атлетики и сразу стал преуспевающим в толкании ядра, метании копья и диска, прыжках в высоту и прочем.

Он не был «совком», каким нередко нарекают наше старшее поколение нынешние либералы, никак не совладавшие с построением крепкой промышленной России. Наш герой становился настоящим советским юношей без вредных привычек: не курил и не злоупотреблял спиртным. Этот жизненный принцип Александр Шурепов пронес по всей жизни, не отступив от него ни на грамм.

Глава вторая

Александр и Александра

Александр Алексеевич Шурепов был спортсменом всесоюзного значения. Саша – огромного роста поволжский россиянин из-под Нижнего Новгорода, ставшего надолго городом Горьким.

Александра Федоровна Пареева – хрупкая быстроногая бегунья, недавно выигравшая первенство на чемпионате страны, сибирячка, уроженка Славгорода Алтайского края.

Впервые они встретились в 1936 году на спортивных сборах в Пятигорске, где проходили позже и соревнования по легкой атлетике. Встретились взглядами – и показалось им, что они уже где-то виделись, и давно знают друг друга, и, словно после продолжительной разлуки, искали этой долгожданной встречи.

По окончании сборов в городе прошли и соревнования всесоюзного масштаба.

Местный стадион гудел от восторгов болельщиков.

«К сектору толкания ядра вызывается Шурепов», – объявил диктор.

С низенькой переносной скамейки, стоящей на зеленом газоне стадиона, поднялся атлетически скроенный природой и спортивными занятиями почти двухметрового роста русо-

волосый юноша.

Подойдя к сектору, он взял тяжелый металлический шар в руки, отер его и подержал в двух ладонях, словно согревая холодный спортивный снаряд, остуженный сквозняками и землей под тенью деревянного грибка. Умом, силой мышц и техники атлета тяжелое стальное ядро должно было в нарушение законов гравитации пролететь энное количество метров и приземлиться, уже согласуясь с ними, как можно дальше от сектора толкания.

Был по-настоящему знойный летний день. Солнце нещадно палило. Ловко перебросив семикилограммовое ядро несколько раз из одной ладони в другую, спортсмен вошел в сектор. Прохладный металл приятно остудил горячий подбородок и предплечье, когда Александр приготовился к толчку.

Взрывная сила и координация сработали у Александра как пружина, – ядро, описав дугу, с первой попытки улетело за рекордную отметку.

Собравшиеся болельщики легкой атлетики – «царицы спорта» – рукоплескали рекордсмену...

А днем раньше на старт беговой дорожки дистанции 400 метров встала и пробежала с рекордным результатом спортсменка – посланец пединститута из Ростова-на-Дону Александра Пареева. Потом друзья этот бег называли так: «Пареева не бежала, а парила над гаревой дорожкой». Она стала чемпионкой страны в этом тяжелейшем виде легкой атлети-

ки.

В момент толкания ядра Шуреповым в стороне, у края ямы для прыжков в длину, стояла Александра, только что осуществившая вторую попытку. Пока замеряли ее «работу после толчка ногами», она увидела результат рекордного полета ядра красивого русоволосого парня, который ей сразу же приглянулся на сборах. Он ей понравился. Она захлопала в ладоши в знак победы юноши.

Надо отметить, что Александр разработал свой метод толкания ядра – «хлест туловищем». Суть его заключалась в том, что атлет начинает движение, стоя спиной к будущему направлению толчка, отклоняется далеко вперед, вынося ядро за пределы круга. После этого он мощным движением поворачивается на сто восемьдесят градусов и, одновременно расправляясь, посылает ядро вперед и вверх. Так когда-то в детстве эту «пружинистость» ощущал автор, бросая стальной линейкой хлебные мякиши вязкого, недопеченного пеклеванного хлеба или куском такой же проволоки подгнившие картофелины в огороде. Они летели по траектории за счет «щелчка».

Это была новинка в методике толкания снаряда. Нужно отметить, что в литературе почему-то родоначальником подобного метода толкания ядра считается американский спортсмен Перри О'Брайен, якобы разработавший его в 1950-е годы.

Александра на этих соревнованиях завоевала первое ме-

сто по прыжкам в длину, выполнив норматив первого спортивного разряда. Чуть-чуть не хватило до уровня мастера спорта. Потом она наберет нужные сантиметры для нормы мастера спорта.

Затем Александр метал диск – и снова с победным результатом...

* * *

После соревнований спортсмены возвращались в гостиницу. Так получилось, что Александр и Александра шли рядом, обменялись теплыми взглядами. Познакомились быстро, а поэтому и разговорились легко. А на следующий день спортивных состязаний они уже знали тот минимум сведений друг о друге, которые во все времена увлеченности являются основой для дальнейшего сближения. Он – студент из Горького, она – из Ростова-на-Дону, хотя сибирячка.

Любовь вспыхнула как спичка, любовь, которую величают эгоизмом вдвоем или взаимным святотатством. И действительно, им понравилось быть вдвоем в этой сладкой тирании, когда любящие терпят ее муки добровольно.

На второй день Александр метал копьё и гранату. Александре нужно было, разбежавшись, как можно дальше прыгнуть. И опять успех – они стали чемпионами.

Победам Александра и Александры теперь помогала взаимная увлеченность. Договорились встретиться вечером и

побродить по городу. Они ждали этой встречи...

Он принес на свидание и подарил ей букетик полевых цветов, считая, что именно эти цветы — настоящий дар природы, выращенный без постороннего вмешательства человека, созданный небом и землей.

На следующий день они посетили древние ванны, вырубленные в травертинах Горячей горы у источников с минеральной водой. Любовались памятником М.Ю. Лермонтову, чье творчество, как выяснилось из дальнейшего разговора, оба свято почитали. Просто он был их любимым поэтом.

Побывали влюбленные и в музее поэта, где Лермонтов провел два последних месяца своей жизни и написал такие стихотворения, как «Морская царевна», «Листок», «Выхожу один я на дорогу» и другие произведения. Именно сюда было доставлено тело убитого на дуэли поэтического гения. И отсюда он отправился в последний земной путь...

Когда возвращались в гостиницу, Александр стал декламировать:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,

Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в его руке булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

– Саша, я думала, ты прочтешь совсем другое стихотворение. Более мягкое, более лирическое, – улыбнулась спутница, понимая, что для юноши, наверное, сродни мужественные строки.

– Это мое любимое. В нем много смелости, предсказаний, пророчества. Все, что Лермонтов писал о России, четко и правильно и, самое главное, – сбывалось. России не везло на царей. Много было серости в личностях этих лиц, получавших власть по наследству. Взять последнего царя, проигравшего все войны за время своего правления, – разве это не ничтожество? Конечно, нельзя было его с семьей и придворными так варварски убивать. Если наказывать – то по суду. А так – элементарный скотский убой. А что касается другой тематики, то есть и помягче, и полиричнее:

Из-под таинственной, холодной полумаски

Звучал мне голос твой отрадный, как мечта.
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста...

– Да, это действительно мягче... А я хочу тебе прочесть стихотворение, скорее мадригал, посвященный некой Смирновой:

Без вас хочу сказать вам много.
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы смотрите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

Ответ последовал от юноши:

– Саша, нам, как мне кажется, никогда не будет вдвоем грустно.

Девушка, несколько смутившись и покраснев, робко промолвила:

– Никогда...

Они поклялись никогда не расставаться.

После завершения сборов и соревнований решили переписываться. Он уехал в город Горький, она – в Ростов-на-Дону.

В Советском Союзе почта работала четко и быстро. Граждане общались посредством писем часто и помногу. Писали повествования длинные и короткие, поздравляли друг друга открытками и телеграммами, обменивались посылками. Люди знали о повседневной жизни родственников, друзей и знакомых в реальном времени, выражаясь современным языком, находились, таким образом, в системе «онлайн». То было интересное время для молодежи, воспитанной через пионерию и комсомол.

Наверное, человек имеет склонность общаться с себе подобными в силу разных причин. Но главным мотивом общения является то, что в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, способным уловить чувства другого и подарить свои ощущения духовной близости соответствующим ответом.

На третий день после возвращения «по домам» Александра Пареева получила ожидаемое письмо от Александра Шурепова. Она быстрым движением вскрыла конверт и с нетерпением стала читать. Исполненные перьевой ручкой фиолетовые строки на бумажном листе в клеточку, вырванном из ученической тетрадки, девушка буквально глотала глазами под учащенное биение сердца. Он, в частности, писал:

«Здравствуй, Сашенька!

Прошли сутки, как мы расстались. А кажется, пробежала целая вечность. Как мне приятны наши дни и вечера, когда мы были вместе. Спорт нас, двух тезок, в Пятигорске свел вместе. Буду рад, если в дальнейшем Судьба нас поведет одной тропинкой. Мне очень скучно без тебя, милая. Скоро у меня выпускные экзамены и я стану дипломированным со-зидателем – железнодорожным строителем. Уверен, сумею построить для нас двоих прелестный теремок, в котором интересно будет жить.

Надо готовиться к всесоюзным соревнованиям, которые пройдут в сентябре этого года. Напиши мне – очень жду ответ.

С любовью и уважением, Александр».

Всякий раз, когда она перечитывала короткое содержание письма, – краснела и волновалась. Сердце начинало учащенно биться, как после той первой личной встречи, – таково было влияние этих фиолетовых строчек. На этом дорогом ей листочке в клеточку Александра ощущала что-то большее, чем увлеченность или дружба. Она наслаждалась ровными рядами нежных и многообещающих слов, вплетенных в предложения, написанных беглым, стремительным почерком, владельца которого графологи охарактеризовали бы как сильную и цельную личность.

Ровно через трое суток он получил довольно смелый и от-

кровенный ответ. Так в его понимании пишут не легкокрылые дурочки, а честные, серьезные, влюбленные девушки, всем своим естеством готовые к семейной жизни. То было особое, созидательное и суровое предвоенное время, когда молодежь выросла быстро.

Александра и сама удивлялась своей откровенности, когда перечитывала свое письмо, перед тем как запечатать его в конверт. Оно было написано на одном дыхании:

«Добрый день, Александр!

Твое письмо получила. Оно мне тоже навяло грусть из-за нашего расставания. Я реально почувствовала действие понятия «разлука». Очень хочется увидеться. Если любовь достаточно сильна, ожидание становится счастьем. Твои рассуждения о совместном бытии я разделяю. Мне с тобой было приятно, потому что верю в твою Александровскую порядочность.

Ведь Александр в переводе с греческого языка означает «защитник», «оберегающий муж», «человек». А человек, как известно, у нас в Союзе звучит гордо! Имя твое всегда впечатляет своим величием. Я читала, что у Александра сильно развито чувство долга перед своей семьей. Он ценит своих родственников, друзей и знакомых.

Жену он выбирает такую, чтобы она всегда была рядом с ним и поддерживала его цели в жизни. Согласна я со многими твоими определениями в перспективе. Прости за от-

кровенности.

Александра».

Позже, при встрече, Александра скажет Александру, что первое письмо от него она несколько раз перечитывала до тех пор, пока не поняла, что не только буквы, но даже запятые и точки приросли к ее сердцу. Их было уже не оторвать, не выгнать оттуда. Она не хотела того, чтобы буйной юности вихрь прошумел и исчез.

Время ожидания встречи тянулось неприятно долго. Теперь она острее стала ощущать чувство одиночества, хотя ее и окружали прежние коллеги, друзья и знакомые. Она когда-то прочла и запомнила выражение: «Одиночество – мать беспокойства» – и полностью согласилась с такой трактовкой.

Она, как педагог, философски рассуждала еще и так:

«Одиночество для ума – то же, что голодная диета для тела: порой оно необходимо, но не должно быть слишком продолжительным. Время может быть лекарем, но не при одиночестве. Продолжительное одиночество может превратить человека в гербарий. Все произойдет, если только человек будет ждать и надеяться».

Она надеялась...

Замечено: все, что ожидаешь, переносится легче, – человек всегда ожидает чего-то изменяющего его жизнь к лучшему.

Он завершал учебу в Горьковском инженерно-строительном институте на факультете железнодорожного профиля, она – в пединституте города Ростова-на-Дону. Александру предложили работу в одном из строительных трестов города с выделением комнаты в общежитии. Теперь он готовился строить вокзалы, перроны, железнодорожные мосты, виадуки, прокладывать стальные магистрали по Великому Союзу.

По приглашению Александра Саша приехала в Горький... и осталась для того, чтобы создать свое семейное гнездо, потому что они любили друг друга и не могли существовать отдельно. Скоро молодые сыграли скромную свадьбу.

Однажды, это было в 1938 году, придя домой, Александр с порога поделился **НОВОСТЬЮ**:

– Саша, у меня скоро будут изменения на работе.

– Какие?

– Сегодня в наш стройтрест явился товарищ из органов и неожиданно предложил мне пройти курсы...

– ???

– Для оперативной службы в НКВД. Говорил этот товарищ достаточно убедительно, нет, скорее так напористо, что

я не смог и не смел отказаться.

– Что могу сказать – служба почетная и ответственная. Многие гордятся ею и стремятся попасть работать в органы госбезопасности, но дело в том, что туда не всех берут. А с другой стороны, эти спе-ци-а-ли-сты, – она растянула умышленно это слово, – из-за службы редко бывают дома. Своими впечатлениями со мной поделилась жена одного оперативника. Мы работаем с ней в одной школе. Со слов моей коллеги, ее дети редко когда видят в рабочие дни отца: дети еще спят, когда он уходит на службу, и уже видят сны, когда возвращается с работы домой.

Это было время, когда органы очищались от ежовщины и новый нарком внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия набирал свою команду, делая ставку на повышение уровня образованности оперативного состава. Время бросало вызов – цэпэшовского¹ образования недостаточно для сотрудников органов госбезопасности.

Именно в 1938 году были призваны на службу в органы госбезопасности многие учителя, инженеры и военные (после окончания соответствующих вузов и даже с последних курсов), ставшие в последующем крупными специалистами в области разведки и контрразведки: П.И. Ивашутин, Л.Г. Иванов, И.И. Проскуров, А.А. Шурепов, А.Н. Михеев, А.П. Святогоров, П.М. Фитин и многие другие.

Сотрудник госбезопасности А.А. Шурепов достойно про-

¹ ЦПШ (аббр.) – Центральная партийная школа. – *Ред.*

шел свой служебный путь от младшего лейтенанта до генерал-майора в подразделениях военной контрразведки.

Итак, на службу в органы госбезопасности Александра Алексеевича Шурепова призвали в 1938 году. Поначалу с профилем «следственная работа», но потом определили его в военную контрразведку. В период военного лихолетья военный контрразведчик Александр Шурепов сражался на Западном, Северо-Западном, Волховском и 2-м Прибалтийском фронтах.

В 1945 году на Дальнем Востоке – участник войны с Японией.

С конца сороковых и начала пятидесятых – начальник военной контрразведки соединения и на других должностях в Белорусском военном округе (ВО).

Заместитель начальника Особого отдела КГБ при СМ СССР по Ленинградскому ВО (1955 – 1956).

Начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Ленинградскому ВО (август 1956 – октябрь 1961)

Начальник Управления особых отделов КГБ при СМ СССР по Дальневосточному ВО (1961 – 1966).

Начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по Киевскому ВО (1966 – 1973).

После выхода в отставку работал председателем Федерации легкой атлетики Украинской ССР.

Однако вернемся к истокам – вместо транспортного строителя Шурепов становится сотрудником Главного управления госбезопасности – ГУГБ НКВД СССР, которое в период наркома Николая Ежова курировал его первый заместитель Лаврентий Берия.

Александра Алексеевича Шурепова – образованного, физически развитого, общительного молодого человека не могли обойти стороной кадровые подразделения органов госбезопасности. Его заметили...

Краткосрочные курсы он быстро прошел при областном управлении НКВД, а потом вдруг резкий поворот – от надежды остаться в каком-либо районном отделе на территории Горьковской области или в самом областном центре ничего не осталось. Видно, тревожное предвоенное время строило свои повороты на дороге чекистской судьбы молодого специалиста.

Его вызвали в Москву.

Здесь тоже пришлось пройти период «переподготовки», получил военное обмундирование.

Александра Алексеевича Шурепова определили на службу в органы военной контрразведки, присвоив ему звание младшего лейтенанта. О службе в особых отделах НКВД он имел до этого весьма смутное представление. Хотя курсы

и преподавали основы контрразведывательного обеспечения войск РККА, постигать азы чекистского ремесла пришлось в войсках.

После немецкого вторжения в Польшу Сталин вспомнил о положении Литвы не случайно. Дело в том, что на англо-франко-советских военных переговорах обсуждался проект о направлении Западу советской военной помощи через «Виленский коридор».

Нашей разведке стало известно, что литовский посол в Берлине неожиданно для СССР стал вести переговоры о переходе Литвы под германский протекторат.

Сталин решил упредить процесс и сообщил Берлину, что у него другие планы и что он не потерпит «обмана в политике доверия». На этот раз Сталин переиграл Гитлера, махнувшего рукой на старания литовского посла. Начиналась большая война, для которой были нужны советские нефть, зерно, руда, а не «тухлая литовская селедка», которую немцы отвергали.

Как известно, середина и конец тридцатых годов – это время гражданской войны в Испании. Многие военнослужащие, а также гражданские юноши и девушки изъявили желание отправиться в Испанию драться на стороне республиканцев.

Подумывал туда выехать и Шурепов, но обстановка сложилась по-другому. Руководство НКВД нарисовало ему иную служебную судьбу...

10 октября 1939 года был заключен советско-литовский договор о взаимопомощи. По соглашению, занятый в сентябре 1939 года Красной армией Вильнюсский край был передан Литве, а на ее территории были размещены советские войска численностью более двадцати тысяч человек.

И вот на руках у Александра Шурепова командировочное предписание. Он направляется на следственную работу в органы военной контрразведки. Но на месте пришлось стать объектовиком – оперативным работником, обслуживающим «объект» или воинскую часть.

Перрон, вагон. Он с женой и дочерью Галиной, родившейся в 1939 году, в купе пассажирского поезда, уходящего на северо-запад Советского Союза по маршруту Москва – Рига...

Молодого военного контрразведчика направили в распоряжение руководства Особого отдела по Прибалтийскому особому военному округу, штаб которого располагался в Риге.

По прибытии в латвийскую столицу молодого специалиста принял заместитель начальника Особого отдела НКВД по Прибалтийскому особому военному округу полковник Алексей Никитич Асмолов. Он внимательно выслушал подчиненного, высоко оценил его уровень образования – как-

никак закончил институт! В то время такие оперативники были редкостью, – четыре, семь классов за плечами в основном, в лучшем случае средняя школа. Полковник вкратце рассказал о сложностях оперативной обстановки в Прибалтийских республиках, националистических проявлениях и бандитизме.

– Мы вам поручаем один из непростых гарнизонов в Литве, стоящий на границе с бывшей Восточной Пруссией, – предложил место службы новоиспеченному контрразведчику полковник А.Н. Асмолов. Он сам только что (в 1939 году) закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и получил направление на руководящую работу в органы НКВД.

Вот так Александр Шурепов вместе с семьей прибыл в глухой приграничный гарнизон небольшого литовского городка Вилкавишкис (до 1917 года город назывался Вилковишки. – *Авт.*), расположенного на юго-западе Литвы, в двух десятках километров от уездного центра Мариямполье. Город утопал в зелени деревьев, кустарников и клумб и был опутан паутиной незнакомых улиц, улочек и переулков.

Кирпичные дома командного состава (раньше его называли офицерским) располагались сразу же за гарнизонной оградой. Шурепову и ряду других командиров выделили отдельные домики-дачи, стоящие рядом с казармами для личного состава.

Домашний скарб пришлось приобретать на месте – от столов и стульев до кроватей и гардероба. Благо крайне необхо-

димую посуду привезли с собой...

Александр сразу же обратил на себя внимание командиров и политработников гарнизона. Возле своего домика он выстроил настоящую мини-спортплощадку: поставил перекладину, положил рядом с ней разной тяжести обрезки арматуры и изготовил примитивную шведскую лестницу для подкачки пресса.

Они вместе с женой рабочий день начинали с физзарядки: разминка, пробежка занятия со спортивными снарядами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.